

РЫВКИНА Р.В.**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ ПЕРЕХОДНОЙ РОССИИ: ЛЮДИ И РЕФОРМЫ. М.: ДЕЛО, 1998. – 432 с.**

Книга написана на основе вышедшей в 1994 году работы “Между социализмом и рынком: судьба экономической культуры в России”. Автор считает, что сейчас “самое время обсудить “предварительные итоги” 15-летнего реформирования страны (начиная с середины 80-х годов). Практически весь материал прежней монографии сохранен, но переструктурирован и дополнен новыми данными, что придало авторским суждениям более законченный характер (использованы результаты 15-летних исследований в различных регионах страны). Основное различие двух монографий, вышедших с интервалом в четыре года, состоит, на наш взгляд, в том, что “старая” книга – о процессе, наделенном *определенными характеристиками*, тогда как “новая” книга – о процессе, приведшем к *определенным результатам*.

В качестве доказательства приведем корректировку названий глав, перешедших из старой работы в новую. Так, многообещающее “Российское общество рождает средний класс” (гл. 39) в новой редакции звучит как “Невозникающий средний класс” (§ 52), а актуальный для 1994 года вопрос “Процесс приватизации: какие собственники формируются?” (гл. 45) находит к 1998 году ответ в виде “Процесс приватизации – опять “теневые” собственники” (§ 51). Иллюзии становятся меньше, многие вопросы проясняются.

Книга состоит из семи разделов. Впрочем, возможно их условное объединение в четыре блока, последовательно отвечающих на четыре вопроса: каковы причины и условия перехода России к рынку (разделы II-III), что из этого получилось (разделы IV-VI), какие варианты будущего возможны для России (раздел VII), какова роль экономи-

ческой социологии в поиске ответов на эти вопросы (раздел I).

Первый вопрос рассматривается в разделах II-III (“Исторические корни нынешних болезней экономики” и “Как советский человек встретился с рынком”). Отметим, что эти разделы почти полностью “перешли” из прежней монографии, однако их новая версия отличается более тщательной структурированностью материала и четкостью выводов. Вообще практика начинать главу с перечисления ее целей, а заканчивать серией выводов соответствует желанию автора создать у читателя ощущение прослушивания “живого курса лекций по социальным проблемам российской экономики” (с. 10). В этих разделах рассматривается “социальная ситуация в советской экономике: как она управлялась, какие работники были в СССР, к чему привели реформы Горбачева, как начинались реформы 90-х годов и каковы были социальные особенности перехода России к рынку” (с. 6). Автор расценивает эпоху Горбачева – последний период существования советской экономики – как период псевдореформ, которые “были даже не поверхностными, а просто фиктивными” (с. 152). Население страны прекрасно осознавало фиктивность реформирования, что усиливало “антиреформенный синдром” (с. 149), суть которого состояла в специфическом умении советского человека проявлять показательную инновационную активность при полном неверии в результат. К радикальным реформам, по мнению автора, ни аппарат управления, ни трудящиеся готовы не были, однако эти реформы произошли. Соответственно, актуальным становится вопрос: к чему это привело?

Попытка ответа на этот вопрос объединяет разделы IV-VI (“Новые

социальные институты после распада СССР", "Самообучение рынку", "Новые субъекты экономики"). На наш взгляд, именно эти разделы являются центральными в композиции монографии. Этот блок наиболее представительен и с точки зрения отведенного ему объема.

Действенность институциональных регуляторов советского периода в лице партийных и советских органов всех уровней сменилась неопределенностью функций государства в переходный период. Вопросы, обсуждаемые автором в этой связи, имеют принципиальный характер и восходят к дискуссии о роли государства в переходный период: должно ли государство брать на себя функции основного проводника и гаранта принципов рыночной экономики или целесообразнее ограничить его роль позицией "ночного сторожа", вмешивающегося в ход событий только в случае пожарной необходимости? Р.В. Рывкина — явный сторонник первого варианта. При этом в качестве доказательства состоятельности собственной позиции автор использует краткий обзор опыта институционального регулирования экономики развитых стран Запада. Случай по меньшей мере нетипичный для данной монографии, которую трудно упрекнуть в увлеченной отсылке читателя к западному опыту и западным авторитетам. Уделяя немало внимания критике слепого заимствования западных моделей экономики (с. 394-398), автор относит опыт институционального регулирования рынка к той части западного опыта, который был проигнорирован реформаторами при явной необходимости его использования в России. Общий вывод автора звучит как приговор: "Хозяйственно-правовую функцию в проведении рыночных реформ российское государство не выполнило" (с. 210).

Что касается института экономической культуры как социального потенциала экономики, то следствием возникшего дефицита рыночной культуры, по мнению автора, явилась ситуация, когда "мы имеем рынок без капитализма" (с. 239). Правда, в данном случае не

вполне понятны дифференцирующие критерии рынка и капитализма. Хотелось бы более строгого отношения к терминам, что, собственно, и отличает научную дискуссию от митинговых коннотаций этих слов.

Возникновение новых субъектов экономики и вызванные этим изменения социальной стратификации общества — главный социальный итог реформ и один из главных вопросов книги. Р.В. Рывкина рисует широкую социальную панораму новых действующих лиц, представляющих в своей совокупности современную Россию. Это и фермеры, и директора предприятий, и интеллигенция (которую, по мнению Рывкиной, спорно считать особой социальной группой), и новый правящий класс, и предприниматели в лице производителей, банкиров и коммерсантов. Обилие разрозненных сюжетов как результат многочисленности субъектного состава не привело к "мозаичности" изложения благодаря тому, что обсуждение "субъектных частностей" было предварено анализом более общих закономерностей формирования новых классов. В этом смысле разговор общетеоретического характера о том, "как возникают новые классы" (с. 303-311), представляется крайне важным с композиционной точки зрения. Благодаря ему "мозаика" последующих страниц в восприятии читателя становится содержательной иллюстрацией общих закономерностей моделирования новых ячеек социальной стратификации. В этом смысле вряд ли можно считать удачным решением композиционную обособленность рассказа о предпринимателях от обсуждения остальных групп новой социальной стратификации. Видимо, это было обусловлено методической спецификой главы о предпринимателях, основу которой составили фрагменты проведенных с ними интервью (с. 281-302). Интервью, безусловно, интересные. Однако любые, даже самые содержательные интервью представляют собой всего лишь эмпирическую информацию, анализ которой, собственно, и составля-

ет суть научных монографий. Поэтому многостраничные интервью, сопровождаемые минимальными аналитическими комментариями, вызывают как минимум недоумение.

Но если настоящее России уже определено, то какое будущее ее ждет? Этому вопросу посвящен раздел "Социальные штрихи к портрету будущего". По мнению Р.В. Рывкиной, будущее, во-первых, многовариантно, во-вторых, его контуры зависят от реальных шагов сегодняшней политической власти и общественности, и в этом смысле оно не фатально.

Позиция автора книги заслуживает особого внимания, поскольку "официальной версией" случившегося является вердикт "Россия свой исторический выбор сделала" [1]. Р.В. Рывкина придерживается противоположной точки зрения: "...выбора страна еще не сделала. Никакой однозначной предопределенности в трансформации России нет" (с. 368). Однако теоретически вычленимые траектории будущего имеют разную вероятность реализации исходя из социокультурного, идеологического и экономического контекстов современности. Варианты российского будущего представлены в монографии как пересечение двух континуумов – возможные модели экономики (огосударствленная, рыночная и смешанная) и возможные модели идеологии (социализм, демократия западного типа и русский национализм). Политическая борьба вокруг моделей будущего явлена в двух ипостасях: борьба конкурентов за политическое доминирование в рамках принципиального согласия с проводимым курсом реформ и противостояние между властью и оппозицией за смену курса. Их объединяет единая мотивация антиправительственного поведения – стремление к перераспределению власти как способ самоутверждения. Исход этой борьбы зависит от способности активизировать протестный потенциал "низов", питаемый "возмущением наглостью власти... игнорированием их бедственного положения" (с. 373).

В книге нет прогноза, но есть анализ влияния тех или иных тенденций современности на выбор пути дальнейшего развития страны. Р.В. Рывкина занимает предельно конструктивистскую позицию, смещая акцент с вопроса "Куда идет Россия?" на проблему "Куда идти стране?" (с. 367). Название заключительной главы "Что делать для будущего" вызывает ассоциации с программным документом политической партии или общественного движения.

Впрочем, деятельностное, а не созерцательное отношение социолога к изучаемому обществу входит в мировоззренческую позицию автора. Книга пронизана чувством глубокой социальной ответственности. Мы не случайно выбрали порядок изложения ее содержания, при котором в последнюю очередь рассматривается раздел I ("Социальные болезни российской экономики и необходимость их диагностики"). Знакомая читателя с социологией, "и в первую очередь с тем ее направлением, которое изучает взаимосвязь экономики и общества" (с. 42) (то есть с экономической социологией – С. Б.), Р.В. Рывкина вводит читателей в систему собственного видения роли и места социальной науки в жизни общества. В этом контексте становится понятным и оправданным включение в книгу размышлений о взаимоотношениях социологии и власти (с. 52-56), парадоксальном положении социологии в постсоветской России (с. 56-66), проблемах социологического образования (с. 67-70).

Рецензируемая книга интересна как полюсный вариант трех "расхождений" научного сообщества в вопросе о том, что такое наука и, в частности, социология. Первое несогласие коренится в допустимости для "истинной" науки национальной принадлежности проблемного ракурса и теоретических выводов. По большому счету, ученые-обществоведы негласно могут быть разделены на два лагеря: в первом под лозунгом о вненациональном характере науки считают дурным тоном российскую "заякоренность" темы, во втором

исповедают национальную принадлежность социальных наук как имманентно присущее им качество и единственный способ надления теоретических построений каким-либо позитивным, созидательным смыслом. Впрочем, тут мы подходим ко второму "разночтению". Речь идет об уместности и приемлемости предметной фокусировки все той же "истинной" науки на темах, которые входят в область политической игры, идеологических проектов и правительственных рокировок. Единственный способ уйти из этого пространства, живя в современной России, состоит, пожалуй, в игнорировании проблем, которые актуальны "здесь и теперь". В результате, полусные варианты этих континуумов конструируют две группы: научное кредо одних реализуется в жесткой пространственно-временной локализации предметного фокуса и содержательных выводов, других – в столь же жестком и последовательном их игнорировании.

Третий континуум касается языковых средств выражения научной мысли. На одном полюсе – те, кто разделяет идею сакральности научного знания и, соответственно, выступает за языковую специфику научных работ как средства защиты знания от непосвященных в таинства данной дисциплины. В этом случае научный язык, а точнее возможность его понимания, становится чем-то вроде социального маркера, разделяющего мир на своих (коллег-ученых) и чужих (профанов). По мнению сторонников такой точки зрения, не просто желательно, но строго обязательно облечь научное знание в языковую форму, не позволяющую понимать суть сказанного "человеку с улицы". Отсюда резкое отличие языка научного от обычного: первый, по замечанию все тех же "людей с улицы", зачастую именуется "птичьим", что "рассматривается многими неспециалистами как оскорбление их интеллекта и преступление против общедоступности науки" [2, с. 425]. Второй полюс данного континуума объединяет тех, кто считает такой под-

ход не просто нежелательным, но недопустимым.

Стороны обмениваются уничижающими взглядами, а главным признаком деградации научного сообщества и коррозии его профессиональных норм считают пополнение рядов своих оппонентов. В оборот введены и своеобразные лейблы. Презрительное игнорирование тем, которые актуальны "здесь и теперь", а также терминологическая зашифрованность сказанного послужили основанием для идентификации такой позиции как философичной, а ее носителей – как "философов". Противоположная сторона не осталась в долгу: оппоненты "философов" были окрещены в "публицистов", что по замыслу должно было выразить всю снисходительность к "поделкам" такого рода. Заметим, что никакого отношения собственно к философии как самостоятельной науке, равно как и к публицистике как самостоятельному литературному жанру, такие лагеря не имеют. На наш взгляд, эти позиции не ранжируются по степени "истинности" научного продукта, скорее, это разное понимание смысла научной деятельности при одинаково ревностном ему служении.

В контексте вышесказанного монография Р.В. Рывкиной интересна как предельно заостренная исследовательская позиция, как полусный вариант трех обсуждаемых континуумов. Научное кредо, если судить о нем по данной работе, в качестве основополагающих элементов вбирает в себя идею национального характера социологии ("Социология как наука национальна..." – с. 64), ее предметного фокуса на том, "что произошло и происходит в стране" (с. 7), а также максимальной доступности изложения широкому кругу читателей, что может быть расценено как достоинство или недостаток в зависимости от собственной ориентации читателя.

На наш взгляд, заслуживает уважения предельно четкое выражение авторской позиции, отсутствие словесных реверансов в сторону возможных оппонентов. Частные оценки и общие выво-

